

рядом
с интересным
собеседником

ЩЕДРЫЙ НА ОТДАЧУ

Многие зрители Белорусского государственного академического театра имени Янки Купалы испытывают радость, когда, развернув программку спектакля, находят «птичку» против фамилии А. Л. Милованова. Заслуженный артист республики, исполнитель многих ролей, Августин Лазаревич Милованов вызывает неизменную симпатию зрителей точным рисунком характеров, метким и глубоким наблюдением, наконец, просто жизнерадостностью артиста, играющего своих героев.

Наша беседа состоялась в театре. До начала очередного спектакля.

— Говорят, начинать лучше всего с начала. Давайте и мы так — расскажите, как начиналась ваша дорога в театр.

— Артистом я хотел быть и к этому готовился. Как можно готовиться к этому? Просто мечтал. После школы в 1956 году мы поехали с товарищем поступать в ГИТИС — Государственный институт театрального искусства в Москве. Я прошел конкурс до третьего тура, а он на втором «отсеялся». Ну, и я — из солидарности — уехал с ним домой. Год работал помощником режиссера в Волгоградском театре имени Горького. В то время там были интересные актеры — Смоктуновский, Доронина, Лапиков... Руководил театром Н. А. Покровский. И вот однажды мне сказали: езжай в Минск, там набирает курс очень интересный педагог — это ныне покойный народный артист республики профессор Дмитрий Алексеевич Орлов. Я поехал, поступил. И до сих пор еще — сколько уже вот в театре работаю — ощущаю его влияние на себе. Более строгого, более принципиального судьи я не знаю.

После института я год работал в Витебске в театре имени Якуба Коласа, а потом пришел в театр имени Янки Купалы.

— И теперь у вас за пле-

чами — четырнадцать лет работы в театре, множество сыгранных ролей. Расскажите о самых любимых.

— Ну, если в хронологической последовательности, сначала про «Бабушку...» скажу. Зурико в спектакле «Я, бабушка, Илико и Илларион» — это та первая, по-моему, роль, с которой я по-настоящему вошел в купаловский театр. Она для меня была как бы крестной, и я до сих пор питаю глубокую нежность и к этой роли, и в целом к спектаклю, и к режиссеру Рубену Сергеевичу Агамирзяну.

Пьеса в общем-то незамысловатая, вроде бы ничего не происходит в ней. Живут три старых человека и с ними рядом — Зуй, потребитель. Эти люди старятся, бабушка умирает. И вот они, как бы передав ему свой жизненный опыт — прекрасный, чистый опыт, — без всяких поучений, правоучений (а мы очень не любим, когда нас учат), просто своим примером воспитывают человека. И самое интересное, что это не только с героями в пьесе происходит, но и с нами — артистами и, я надеюсь, со зрителями. Я сам, к примеру, стал как-то богаче после этой роли. Мы играли тогда с такими великолепными мастерами, как С. Станюта и В. Дедюшко. Техника в таких спектаклях не спасает, здесь спасает только твое эмоциональное и человеческое начало.

В пьесе в принципе нет ни одного отрицательного персонажа, смеяться в этой комедии вроде бы не над чем, а зритель в лучшие спектакли ухотывался так, что хоть выноси. Потому что здесь другое качество смеха: люди смеются от удовольствия узнавания. Да, они самих себя узнают на сцене. Им радостно, что они могут быть такими же хорошими, такими же бесхитростными, щедрыми на отдачу.

— А после этой роли — снова роли. Как они игрались?

— После «Бабушки...» трудно было переключиться. Трудно сыграть роль хорошо, но значительно труднее потом освободиться от нее. Мешает что-то найденное прежде. Так было у меня с Быковским в «Павлинке», с Электронем Евдокимовым в «Еще раз про любовь». Но ведь это — штамп.

— Что же вас освободило от него?

— Брехт. Гели Гей в комедии Бертольда Брехта «Что тот солдат, что этот». Роль совершенно неожиданная после Зурико. Когда меня назначили на эту роль, я не знал, с какого конца к ней подходить. Потому что привык все играть по правде. И, когда мы начали так вот репетировать, было очень скучно... Ведь тут вроде какая правда может быть? Человек перед началом рассказывает сюжет: вот грузчик Гели Гей, он откажется от своего имени, станет другим человеком, солдатом, хотя он этого сначала совсем не хочет, — чтобы зритель за сюжетом не следил, а смотрел только, как это бывает.

— Этот спектакль Раевский ставил?

— Да, Валерий Николаевич, главреж. Он только пришел к нам из Московского театра на Таганке, от Юрия Петровича Любимова. Там он, очевидно, и научился, как ставить Брехта. Все время заставлял нас страшно наигрывать.

— Как это?

— А мы и сами еще не понимали, как. Мучились долго, пока кто-то не подсказал: Брехта надо играть, словно ты рассказываешь анекдот. «Вот идут двое. Один...» — и мы сразу начинаем его невольно представлять, изображать. Вот это от Брехта. Мы остаемся самими собой и в то же время в нас есть момент отчуждения: вот, смотри, как я его сейчас лихо покажу, а потому скажу: «Эх, какой гад!» или наоборот: «Какой хороший».

Я, знаете, когда репетировал эту роль, и голос терял, и так уставал, как не знаю кто. Особенно последние две недели, когда работаешь на износ: семь часов репетиции ежедневно.

— Это на репетиции. А в спектакле?

— Каждый раз два килограмма в весе теряю...

— Опыт игры Брехта помог вам в дальнейшем?

— Конечно! Он, опыт этот, и в «Затюканный апостол» пошел. Я сыграл отца Малыша в этой пьесе А. Макаенка, совершенно необычной в смысле формы. В ней явная есть деформация жанра, смесь смешного и трагичного. Это ближе к жизни, хотя и трудней для игры. Бился я, бился, пока опять не стал наигрывать по брехтовскому методу. И постепенно пошло. Я не знаю, как это смотрится...

— Хорошо смотрится, свободно.

— Да, я стал себя чувствовать именно свободно в этой роли. Я, так сказать, могу с этим человеком делать все, что хочу. И понял я еще одну истину: есть люди, которые постоянно носят маски. Они искренни бывают очень редко, обычно надевают ту маску, в которой удобнее существовать. И вот этот человек, отец Малыша, в маске живет. Он отгородился от всех неприятностей банальным истеричным криком, хотя его абсолютно ничто не трогает, и все это на «холодном собачьем носу» делается. И только в конце, когда мораль ему читает Малыш — помните? — он срывается. Этого сначала в пьесе не было. И когда мы репетировали, Андрей Макаенок тут же написал мне этот монолог насчет правды, и он как-то помог замкнуть эту роль, потому что иначе она получилась бы просто развлекательной, а так она приобрела все-таки — может быть, мне так кажется, не знаю — какой-то центр тя-

жести. Мы сыграли этот спектакль уже более ста семидесяти раз, сейчас играем редко, но я всегда с удовольствием выхожу в нем: когда роль получается, с ней приятно пообщаться.

— В таком случае, — с кем еще вам приятно пообщаться?

— Герострат в пьесе Гр. Горина «...Забить Герострата!»

— Скачок изрядный: из современности — в Древнюю Грецию.

— Но ведь пьеса звучит современно: индивидуализм не исчез с земли...

— А вас не упрекали, что вы сыграли Герострата слишком привлекательным?

— Он должен быть таким. Ведь почему злу подражают? Потому что оно часто обаятельно. Если бы зло было только омерзительным, его бы раздавили в самом зачатке, и не было бы проблемы... По-моему, пьеса поставлена режиссером Р. Агамирзяном очень точно. Если после смеха зритель начинает задумываться над тем, как остановить эту мерзость...

— Реакция зала влияет на вас?

— Конечно. Зал — самый главный партнер. Когда зритель начинает всматриваться в себя — а нет ли во мне осколков этого самого Герострата? — чувствуешь, что работа твоя была не зря.

— Среди ваших ролей преобладают комедийные. Вы предпочитаете их драматическим?

— Не знаю... Играть комедийные или драматические роли мне в принципе не очень важно, лишь бы это была хорошая роль, была в ней мысль интересная и лишь бы я понимал, что что-

то в ней я могу по-человечески сказать.

— Вы снимались во многих фильмах — «Рунны стреляют в упор», «Зимородок», «Бронзовая птица», «Павлинка», «Нечаянная любовь» и других. Что вас привлекает в кинематографе?

— Я очень люблю кино. Там понимаешь, что за жесткая штука время, когда сцену нужно провести с точностью до секунды. Это во-первых. Во-вторых, полезно бывает на себя со стороны посмотреть. И, в-третьих, на съемках всегда узнаешь много новых людей, которые съезжаются порой со всего Союза. Видишь, как они работают, обмениваешься опытом. Сейчас режиссер Виталий Четверников пригласил меня сниматься в фильме по роману Джека Лондона «Время не ждет».

— Наконец, традиционный вопрос: какие роли хотели бы вы сыграть в будущем?

О ролях не будем говорить, а то режиссеры прочтут и обязательно не дадут... Мечтаю я о «Вишневом саде» Чехова. Если не в театре, то хоть со студентами поставлю.

— Вы работаете в театральном институте?

— Да, я веду актерский курс.

— Спектакль окончен, выходят на сцену артисты. И как только появляется перед зрителями Гели Гей или Герострат, нарастает гром аплодисментов. Что вы чувствуете при этом?

— Облегчение. Большое облегчение, что на этот раз роль сыграна как надо.

Беседу вел
С. КАШКАРЕВА.